

ДЕЛО О ПРОПАВШЕМ ПРИЗРАКЕ

Сергей Диковинный

Отдел "Тихий ужас"
Новелла вторая

Сергей Диковинный

Дело о пропавшем призраке

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Дело о пропавшем призраке / С. В. Диковинный — «Автор»,
2026

В тихогорской конторе «Светлый путь» завёлся призрак. Ходил по ночам вдоль стены, вздыхал тяжело, как человек, который очень устал. Сотрудники привыкли. Инвестор обрадовался — и вложился. Экскурсии, слоган, бренд — всё держалось на нём. А потом призрак пропал. Директор приходит в отдел 7 с конвертом и просьбой: найдите и верните. Аванс — прилагается. Но у майора Орлова другое правило: он не ищет призраков. Он ищет людей. И потому отдел берётся не за то дело, которое им принесли, — а за то, которое спрятано за ним. Пока Дроздов листает видеоархив, Синичкина разговаривает с администратором, Кулибин изучает свежие царапины на стене, а Муромцев молча смотрит в потолок, кот Тимофей идёт по коридору. Не оглядываясь. Потому что точно знает, куда идёт. Первая новелла была про человека, который играл домового. Вторая — про призрака, который играл сам себя.

Содержание

Глава 1. Заказчик	5
Глава 2. Контора с историей	8
Глава 3. Тихий сотрудник	10
Глава 4. Ночное дежурство	13
Глава 5. То, что не ходит	16
Эпилог	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Диковинный

Дело о пропавшем призраке

Глава 1. Заказчик

Осень в Тихогорске наступала не по календарю, а по настроению. Календарь говорил: сентябрь. Настроение говорило: уже пора. Листья желтели через силу, дожди шли через день, а по утрам в воздухе висело что-то такое, от чего хотелось пить чай и никуда не выходить. Отдел номер семь чай пил. Выходить не хотел. И всё же выходил — потому что служба.

Кабинет выглядел как всегда: лепнина осыпалась, лампочка мигала, паркет скрипел в трёх местах. Дроздов сидел на подоконнике с телефоном. Кулибин паял. Муромцев лежал на диване. Синичкина вбежала с опозданием на четыре минуты и разваливающимся пучком. Тимофей сидел на папке с прошлым делом — на той самой, где было написано «Курочкин А.А.». Он сидел на ней так, будто она его личная и он ей распоряжается.

Орлов стоял у окна и гладил рубашку рукой. Привычка. Ритуал. Способ верить, что мир можно привести в порядок.

— Тихо, — сказал он.

— Орлов, ты это не говори, — сказала Синичкина, садясь за стол. — Как скажешь — сразу что-то случается.

Орлов посмотрел на неё. Но сказать ничего не успел — дверь открылась.

Вошёл не Громобоев. Вошёл человек, которого никто из отдела не знал. Мужчина лет пятидесяти, в хорошем пальто, с дорогим портфелем. Он был ухоженный, спокойный, благополучный. Он вошёл так, как входят в кабинет врача — с внутренней готовностью к плохому.

— Извините, — сказал он. — Я к вам. Мне сказали, у вас тут... — он помолчал, подбирая слово, — ...по особым делам.

— По особым, — подтвердил Орлов. — Садитесь.

Мужчина сел. Поставил портфель на колени. Сжал ручку. Оглядел кабинет — лепнину, лампочку, паяльник, кота. Тимофей посмотрел на него. Мужчина отвёл взгляд.

— Меня зовут Верещагин, — сказал он. — Аркадий Львович. Я директор... одного предприятия. Небольшого. Но хорошего.

— Дальше.

Верещагин помолчал.

— У нас в конторе завёлся призрак, — сказал он. — Ходит по ночам. Раньше был. Теперь — пропал.

Дроздов поднял голову от телефона. Синичкина перестала писать. Кулибин оторвался от паяльника. Муромцев сел на диване. Тимофей не шевельнулся — но всем показалось, что он теперь смотрит внимательнее.

— Пропал, — повторил Орлов ровно.

— Пропал, — сказал Верещагин. — Ходил — и перестал. Четыре ночи тихо.

— И вы... — Орлов помолчал. — Хотите, чтобы мы его нашли?

— Да.

— Призрака.

— Да.

Пауза.

Орлов посмотрел на него. Долго. Он умел так смотреть — без всякого выражения, но так, что человек начинал сам себя слышать. Верещагин выдержал.

— Товарищ... — он замялся, — ...как вас.

— Майор Орлов.

— Майор Орлов. Я понимаю, как это звучит. — Верещагин сжал портфель. — Я не сумасшедший. Я не верю в чудеса. Я верю в порядок. И в моём порядке был призрак. Теперь его нет. И от этого — беспорядок.

— В чём беспорядок?

Верещагин замялся.

— В прибыли.

Дроздов хмыкнул. Синичкина записала. Орлов не изменился в лице.

— Поясните.

Верещагин вздохнул.

— Дело в том, что... — он поискал слова, — ...в прошлом году к нам пришёл инвестор. Крупный. И сказал: «Мне нравится, что у вас тут призрак. Это... атмосфера. Это бренд». И мы построили на этом всё. Слоган. Логотип. Экскурсии. Он — то есть инвестор — вложился. И пока призрак ходил — всё шло. Деньги, партнёры, репутация. А теперь призрак пропал. И через неделю у нас аудит. Инвестор приедет. Смотреть. И если призрака не будет — он уйдёт.

— И вы хотите... — Орлов помолчал, — ...чтобы мы поймали призрака обратно.

— Да, — сказал Верещагин. — Найти и вернуть.

— Это не наш профиль, — сказал Орлов.

— Профиль у вас любой, — сказал Верещагин тихо. — Мне так сказали.

Он полез во внутренний карман. Достал конверт. Положил на стол. Конверт был плотный, дорогой, с тиснением. Из тех, которые не открывают при свидетелях.

— Это аванс, — сказал Верещагин. — За работу.

— У нас бюджет, — сказал Орлов.

— Это не бюджет. Это благодарность.

Орлов посмотрел на конверт. В отделе повисла тишина — правильная, рабочая тишина, в которой решаются мелкие и большие судьбы. Кулибин отложил паяльник. Муромцев встал с дивана. Дроздов убрал телефон. Синичкина закрыла блокнот. Тимофей снял лапу с папки.

И вошёл Громобоев.

Он вошёл без стука, как всегда, и остановился на пороге. Посмотрел на Верещагина. Потом на конверт. Потом на Орлова. Потом на конверт ещё раз.

— Здравствуйте, — сказал он. — А это кто у нас?

— Гражданин Верещагин, — сказал Орлов. — С заявлением.

— С каким?

Орлов помолчал. Собрался. Сказал:

— У него пропал призрак.

Громобоев посмотрел на Верещагина. Верещагин — на Громобоева. Долго. Очень долго.

— Призрак, — сказал Громобоев.

— Призрак, — подтвердил Верещагин.

— Это который по ночам ходит?

— Так точно.

— В конторе?

— В конторе.

Громобоев подошёл к столу. Взял конверт. Взвесил в руке. Положил обратно.

— Орлов, — сказал он.

— Я.

— Ты знаешь, что я скажу?

— Нет, товарищ полковник.

— Я скажу: работайте, — сказал Громобоев. И, помолчав, добавил: — Но сначала объясните мне, что такое призрак в конторе и почему у нас тут снова что-то не по календарю.

Он сел за стол Орлова — как всегда, не спрашивая. Посмотрел на всех. На Дроздова. На Синичкину. На Муромцева, который снова встал с дивана. На Кулибина, который снова взял паяльник. На Тимофея — долго. И на Верещагина — дольше всего.

— Рассказывайте, гражданин, — сказал он. — С самого начала. Но коротко. Я человек занятой.

Глава 2. Контора с историей

Предприятие Верещагина называлось «Светлый путь». Название было советское, но вывеска — новая, светодиодная, с золотым тиснением. Оно располагалось в старом здании на берегу реки, в трёхэтажном доме купеческой постройки, у которого красивая лепнина, высокие окна и полное отсутствие ремонта с девяностых.

— Дом купца Прянишникова, — сказал Верещагин, ведя их по коридору. — Памятник. Архитектурный. Мы арендуем первый и второй этажи. Третий — чердак. Не используем.

— Почему? — спросила Синичкина.

Верещагин замялся.

— Там сквозняки.

Орлов посмотрел на него. Верещагин не смотрел на Орлова.

Они прошли через приёмную. За стойкой сидела девушка с длинными волосами и внимательными глазами. Она посмотрела на группу — на пятерых следователей и кота, — и в её взгляде мелькнуло что-то. Не страх. Скорее — интерес. И что-то ещё, чему Орлов не нашёл сразу названия.

— Аня, — сказал Верещагин. — Это... — он помолчал, — ...люди из милиции.

— Вижу, — сказала Аня. И кивнула. — Здравствуйте.

— Здравствуйте, — сказала Синичкина.

Тимофей посмотрел на Аню. Аня посмотрела на Тимофея. Долго. Так, что это заметили все. Тимофей не отвёл взгляда. Аня тоже. Потом Тимофей ушёл куда-то в коридор. Аня вернулась к работе.

— Идёмте, — сказал Верещагин. — Покажу.

Кабинет, где раньше «ходил» призрак, был на втором этаже. Большая комната. Длинный стол для совещаний. Кресла. Старинный камин — настоящий, купеческий, но заложённый кирпичом. Высокие шторы. Портреты на стенах — бывшие директора, судя по лицам. И — странная деталь — по стенам тянулись тонкие, аккуратные царапины. Вертикальные. На высоте примерно человеческого роста. Как будто кто-то проводил чем-то острым.

— Вот здесь он и ходил, — сказал Верещагин. — По ночам. Ровно с полуночи до двух. Медленно. Вдоль стены. Иногда — вздыхал.

— Вздыхал? — переспросил Дроздов.

— Да. Тяжело. Как человек, который устал.

— Откуда вы знаете, что он вздыхал?

— Я слышал. — Верещагин помолчал. — И камеры.

— Камеры?

— Да. У нас видеонаблюдение. С прошлого года, когда инвестор пришёл. Хотите — покажу.

Орлов кивнул.

Они сели смотреть записи. Это было долго. Скучно. Пять ночей подряд. Один и тот же кадр: пустая комната, длинный стол, камин, портреты. Ничего. Никакого призрака. Только качающиеся занавески — окно, видимо, было плохо закрыто.

— И где призрак? — спросил Дроздов.

— А вот. Смотрите.

Верещагин промотал на пятую ночь. На записи — всё то же самое. А потом, ровно в полночь, свет в комнате мигнул. Один раз. И — ничего. Просто мигнул. И всё.

— Это он, — сказал Верещагин. — Он так приходил. Свет — и потом он ходил.

— А где сам призрак?

— Ну... — Верещагин замялся. — Он невидимый. Это же призрак.

— Он вздыхал, — сказал Муромцев медленно. — А его нет на камере.

— Да.

— Как он вздыхал, если его нет на камере?

Верещагин долго молчал.

— Я слышал, — сказал он наконец. — Я мог слышать. Это же призрак.

Орлов не сказал ничего. Но в его блокноте появилась запись: «Следов нет. Слышит только заявитель. Проверить камеры на монтаж».

Глава 3. Тихий сотрудник

К вечеру отдел разошёлся работать по конторе. Дроздов остался у Верещагина — просил видеоархив и телефонный список. Синичкина ушла к Ане — поговорить по-женски, потому что в таких делах подружелюбнее ключ к людям надёжнее. Муромцев обходил коридоры. Кулибин устроился в кабинете с камином — разложил приборы и попросил не мешать.

Орлов пошёл к кабинетам. Дверь. Табличка. Имя. Дверь. Табличка. Имя. Он запоминал. Директор. Заместитель. Бухгалтерия. Отдел кадров. Юрист. И ещё одна дверь — в самом конце коридора, узкая, с табличкой, которую заменили недавно. Старая была прикручена поверх новой и наполовину отклеилась. Из-под неё виднелось: «Отдел экскурсий». А сверху было написано от руки: «Не входить».

Орлов постучал. Ответа не было. Он открыл.

В комнате сидел человек. Молодой. Лет двадцати пяти. Худой, бледный, в тёмном свитере. Он смотрел в одну точку — на стену. На стене ничего не было. Просто стена.

— Здравствуйте, — сказал Орлов.

Человек обернулся. Медленно. Как будто возвращался откуда-то издалека.

— Здравствуйте.

— Вы кто?

— Кирилл. — Пауза. — Ведякин. Отдел экскурсий.

— Давно работаете?

— Полтора года.

— Что делаете?

Кирилл помолчал.

— Вожу экскурсии. По конторе. Показываю призрака.

— Показываете призрака.

— Да. — Кирилл смотрел на него спокойно. — Ну, то есть место, где он ходит. И рассказываю. Историю.

— Какую историю?

Кирилл откинулся на стуле. Посмотрел в потолок. Он рассказывал не в первый раз — это было видно. Он рассказывал так, как рассказывают экскурсоводы: наизусть, ровно, с привычными паузами.

— Купец Прянишников, — сказал он. — Жил здесь в конце XIX века. Богатый. Уважаемый. Но был у него один грех: влюбился не в ту. Не в купеческую дочь. В актрису. Из театра. Родители не благословили. Актриса уехала. Купец остался. Заперся в этом доме. И через год умер. В этой самой комнате. И с тех пор — ходит.

— Ходит.

— Ходит. Вздыхает. Ищет. Говорят, если призраку помочь — он уйдёт. Но пока никто не помог. Все только смотрят и платят.

— Платят.

— За экскурсию. Триста рублей. Дорого, но берут. — Кирилл посмотрел на него. — Вам что-то ещё?

Орлов помолчал.

— Вы верите в эту историю?

Кирилл долго не отвечал.

— Какая разница, — сказал он наконец. — Мне за неё платят.

— А если призрак вернётся? — спросил Орлов.

Кирилл посмотрел на него. Впервые за разговор в его глазах появилось что-то — не страх, не злость. Что-то другое. Что-то, чему Орлов не нашёл названия. Как у Ани.

— Не вернётся, — сказал Кирилл тихо.

— Почему?

— Потому что я его не пущу.

Орлов смотрел на него. Кирилл смотрел в стену. Долго. Молча. И в этой тишине Орлов понял, что нашёл первую настоящую ниточку.

Он вышел. В коридоре его ждала Синичкина.

— Орлов.

— Что?

— У меня тоже.

— Да?

— Аня. — Синичкина понизила голос. — Аня — администратор. Но она раньше работала в экскурсионном отделе. Вместе с Кириллом. Она ушла три месяца назад.

— Почему?

Синичкина помолчала.

— Она сказала: «Я не смогла работать с этим». Со «этим» — это её слова. Я спросила: с чем? Она сказала: с тем, что там показывают. С тем, что происходит на экскурсиях.

— А что происходит на экскурсиях?

Синичкина посмотрела на него.

— Она не сказала. Но она сказала другое. — Пауза. — Что призрак — не купец.

— А кто?

Синичкина не ответила. Из кабинета с камином вышел Кулибин — в очках на резинке, с прибором из чайника в руках. Он был задумчив. Очень задумчив.

— Кулибин, — сказал Орлов.

— Ммм.

— Что?

— Ничего. — Кулибин помолчал. — Пока ничего. Но там, на стене...

— Что?

— Царапины. — Кулибин показал на второй этаж. — На той самой стене, где «ходит» призрак.

— И что?

Кулибин посмотрел на него.

— Они свежие, — сказал он. — И сделаны не пальцами.

— А чем?

— Не знаю, — сказал Кулибин. — Но точно — не пальцами.

Он пошёл дальше по коридору. Орлов посмотрел ему вслед. Потом достал блокнот. Открыл. И сделал запись, от которой ему самому стало не по себе: «Призрак — не купец. Тогда кто?»

Глава 4. Ночное дежурство

Решили остаться на ночь.

Орлов — потому что хотел видеть своими глазами. Дроздов — потому что ему было интересно. Муромцев — потому что если что, он самый крупный. Кулибин — потому что у него были приборы. Синичкина — потому что без неё отдел не работал. Тимофей — потому что он всегда был там, где надо, и никто не знал, как он это делает.

Верещагин выделил им кабинет на первом этаже. Принёс чай. Принёс печенье. Принёс пледы. Он был вежлив, внимателен, предупредителен. Он был из тех людей, которые хорошо умеют быть хозяевами — и от этого немного страшно.

— В полночь, — сказал он. — Как всегда.

— Вы будете здесь? — спросил Орлов.

— Нет. — Верещагин замялся. — Я... у меня дела. Я приеду утром.

— Понятно.

Верещагин ушёл. Контора опустела. Сотрудники разошлись по домам. Остались только следователи, кот и пустые коридоры.

Было девять. Потом десять. Потом одиннадцать. Отдел сидел в кабинете. Дроздов листал телефон. Синичкина писала. Муромцев лежал на двух стульях, поставленных рядом. Кулибин возился с прибором. Орлов смотрел в окно. Тимофей сидел на подоконнике и смотрел на дверь.

— Орлов, — сказала Синичкина тихо. — Я вот что думаю.

— Говори.

— Если призрак пропал из-за кого-то, кто его «не пускает»... — она помолчала, — ...то зачем его вообще пускать? Какая разница? Призрак же выгоден. Бренд. Деньги. Экскурсии. Если Кирилл так говорит, значит, у него есть причина.

— Есть, — согласился Орлов. — Только мы её пока не видим.

— А если Верещагин врёт? Если призрак не пропал, а его спрятали? Убрали? Тогда у него мотив.

— У него мотив есть, — сказал Орлов. — Но у него нет нужды. Ему призрак нужен. Он за призрак платит.

— А если он платит за то, чтобы мы нашли не призрака, а... — Синичкина замялась, — ...кого-то другого?

— Интересная версия, — сказал Орлов. — Работай.

Она кивнула.

Часы шли. Ночь делалась глубже. Дроздов начал клевать носом. Муромцев спал — очевидно, но по-честному, как спят большие и уверенные люди. Кулибин отложил прибор и ушёл в коридор. Синичкина вышла поставить чайник. Орлов остался у окна.

И тогда Тимофей прыгнул с подоконника.

Орлов повернулся. Тимофей стоял у двери. Смотрел на него. Потом поднял лапу и стукнул по двери. Один раз. Тихо.

— Что? — спросил Орлов.

Тимофей повторил. Стукнул лапой по двери. И посмотрел на Орлова. Долго.

Орлов подошёл. Открыл дверь. За дверью был коридор. Тёмный. Пустой.

Тимофей вышел в коридор. Пошёл. Медленно. Не оглядываясь. Как будто точно знал, куда идёт.

Орлов пошёл за ним.

Они поднялись по лестнице. На второй этаж. Прошли по коридору. Мимо кабинета с камином. Мимо отдела экскурсий. Дальше. В самый конец. Там была ещё одна лестница — узкая, тёмная, ведущая на чердак. Орлов никогда её не замечал. Тимофей её знал.

Тимофей поднялся по ней. Орлов — за ним. Дверь на чердаке была приоткрыта.

Внутри было холодно. И — светло. В смысле, не темно: через слуховое окно падал лунный свет. На полу — кирпичи. На стенах — старые доски. И — в углу — вещи.

Стопка. Старые вещи. Одежда. Пальто. Шарф. Тапочки. И лист бумаги — приколот к стене. Орлов подошёл. Посветил телефоном.

Лист был написан от руки. Неровно, торопливо. Вверху — дата. Пять лет назад.

«Я не могу больше так. Я устал. Простите меня».

Орлов посмотрел на лист. Потом на вещи. Потом на Тимофея. Тимофей сидел рядом и смотрел на него. Спокойно. Как смотрят на человека, который наконец увидел то, что положено.

— Спасибо, — сказал Орлов.

Тимофей встал. Пошёл к двери. Ушёл вниз.

Орлов остался на чердаке. Один. С лунным светом. С листом бумаги. И с тишиной, в которой не было ничего — ни призрака, ни купца, ни тайны. Только человек. Который устал.

Глава 5. То, что не ходит

Орлов спустился. В кабинете уже собрались все: Синичкина, Дроздов, Муромцев, Кулибин. Тимофей сидел на подоконнике как ни в чём не бывало.

— Что случилось? — спросила Синичкина.

Орлов положил на стол лист бумаги.

— Это, — сказал он. — Нашёл на чердаке.

Все сгрудились. Читали. Молча.

— «Я устал, — прочитал Дроздов вслух. — Простите меня». Это... — он поднял глаза, — ...это что?

— Это прощальная записка, — сказал Орлов. — Призрака.

— Призрака? — переспросила Синичкина.

— Настоящего.

— Разве бывают настоящие? — спросил Дроздов.

— Мы не знаем, — сказала Синичкина. — Мы же их не ловим.

— Мы их не ловим, — подтвердил Орлов. — Мы ловим имитаторов. Но тут — другое. — Он помолчал. — Пять лет назад в этой конторе работал человек. Он был здесь. Он был частью места. Он, как купец Прянишников, жил в этом доме — своей жизнью, своим горем. И он умер. И, по всей видимости, стал тем самым призраком. Только не купцом. Собой.

— И он ходил, — сказала Синичкина.

— Ходил. Вдыхал. Как человек, который устал.

— Пока...

— Пока Верещагин не сделал его брендом, — сказал Орлов. — И пока Кирилл не начал водить экскурсии. И пока люди не стали приходить и смотреть на него как на аттракцион.

— И тогда он ушёл, — сказала Синичкина тихо.

— Да. — Орлов сел. — Потому что призрак — это не то, на что смотрят. Это то, что смотрит. И как только на него начали смотреть как на шоу — он ушёл.

— А Кирилл? — спросил Дроздов. — Он сказал: «Я его не пушу».

— Кирилл его и «не пускает», — сказал Орлов. — Но не призрака. Кирилла мучает совесть. Он понимает, что участвовал в превращении памяти человека в товар. Он не может этого остановить. И он злится. На себя. На Верещагина. На всех.

— Значит... — Муромцев подал голос впервые за ночь, — ...мы ищем не призрака.

— Не призрака.

— А то, куда он ушёл.

— Да, — сказал Орлов. — И я, кажется, знаю куда.

Он посмотрел на Тимофея. Тимофей смотрел на дверь.

— На чердак, — сказал Орлов. — Призраки возвращаются туда, где им было тихо.

Утром они нашли его. Не призрака. Следы призрака. На чердаке — узкий угол за балками, где кто-то когда-то сидел. Один. Долго. Там лежала старая фотография. Затертая. На ней — мужчина, женщина и ребёнок. Мужчина был похож на Кирилла. Только старше.

Орлов взял фотографию. Посмотрел. И всё понял.

В отделе позже он сказал:

— Призрак — это отец Кирилла. Он работал здесь. Пять лет назад. Умер. И стал тем, чем стал. Кирилл пошёл сюда, чтобы быть ближе. Он придумал историю про купца — потому что не мог сказать правду. Он водил экскурсии — потому что так он мог быть рядом. Пока другие не сделали отца аттракционом.

— И отец ушёл, — сказала Синичкина.

— Ушёл, — сказал Орлов. — Потому что не смог смотреть, как на него смотрят.

— А Верещагин? — спросил Дроздов.

— Верещагин не знал. Он видел только бренд. И деньги. Он не понимал, на чём зарабатывает. — Орлов помолчал. — Но он узнает. Я ему расскажу. И пусть решает, что делать с «Светлым путём».

Эпилог

Громобоев сидел в кабинете отдела. Читал рапорт. Медленно. Долго. Потом отложил.

— Призрак, значит, — сказал он.

— Призрак, — подтвердил Орлов.

— Отец.

— Отец.

— И он ушёл.

— Ушёл.

— А вы его не вернули.

— Нет.

Громобоев посмотрел на Орлова. Долго.

— А зачем, — сказал он наконец, — вы вообще за него взялись? Он же никому зла не делал. Ходил туда-сюда. Вздыхал. Вы его нашли, не тронули, не забрали. Какой смысл?

Орлов помолчал.

— Смысл в том, — сказал он, — что пока мы искали призрака, мы нашли человека.

Кирилла. И поняли, что он не преступник. Он просто сын.

— Сын, — повторил Громобоев.

— Сын. Он потерял отца. И пытался его удержать. Как умел. Это тоже преступление, но другого рода. Такое — не наше. Это к психологу.

Громобоев задумался. Потом кивнул.

— Разумно. — Он встал. — Ладно. Отчёт на стол. И кота покорми.

— Он поел.

— А кот так не считает.

Он вышел. Дверь хлопнула. Лепнина на потолке вздрогнула и уронила небольшую, но выразительную крошку на стол Орлова. Орлов не заметил. Он смотрел на Тимофея.

Тимофей лежал на папке. На той самой, где было написано «Курочкин А.А.». Он лежал так спокойно, как будто это место было его по праву.

Орлов подошёл. Посмотрел на папку. На Тимофея. Тимофей посмотрел на него. И, не двигаясь, поднял лапу. И положил её на папку.

Орлов подошёл, достал блокнот. Открыл. Вспомнил про лист, который Громобоев дал Синичкиной. Про фразу «Проверить. Не подтверждено». И под первой записью — «Курочкин А.А.» — сделал вторую:

«Верецагин А.Л. Светлый путь. Призрак отца Кирилла Ведякина. Дело закрыто. Но ч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.